



УДК 159.9(47)(091)

## **К проблеме управления и самоорганизации отечественной психологической науки в первой половине XX столетия<sup>1</sup>**

О. А. Артемьева

*Иркутский государственный университет, г. Иркутск  
oaartemeva@yandex.ru*

**Аннотация.** На основе анализа истории организации советской психологической науки в первой половине XX столетия определяются возможности решения проблемы управления и самоорганизации науки.

**Ключевые слова:** отечественная психология, самоорганизация науки, управление наукой.

Одной из актуальных тенденций современной постнеклассической науки является осмысление закономерностей развития сложных самоорганизующихся систем. В рамках истории психологии и социальной психологии науки центральной проблемой такой работы является исследование самоорганизации науки. Понятие «самоорганизация науки» в настоящее время используется уже не только философами науки [11], но и психологами [5]. Вместе с тем данная проблема только начинает разрабатываться: необходимо определить понятие, соотнести его с другими феноменами, ответственными за обеспечение и реализацию научной деятельности, выделить и дать характеристику субъекта и условий самоорганизации, определить специфику проявления феномена в случае психологической науки и т. д.

Под самоорганизацией науки будем понимать процесс, в ходе которого создается, воспроизводится или совершенствуется организация социальной системы, обеспечивающей получение научного знания. Прежде всего, необходимо соотнести феномены самоорганизации, самоуправления (саморегуляции) и управления в сфере науки.

Значение управления и самоуправления в науке рассматривается в работах Э. М. Мирского. Обращение к опыту построения советской науки позволяет автору говорить о необходимости наличия структур поддержки науки, прежде всего федерального уровня. Однако анализ возможностей управления современной наукой в России обнаруживает значительное су-

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 12-06-31093 «Социально-психологическая детерминация и самоорганизация коллективного субъекта научного познания в отечественной психологии в первой половине XX столетия»).

жение их спектра; утрачена федеральная монополия на ресурсы. В этой ситуации Э. М. Мирский предлагает обратиться к научному сообществу, самим ученым, т. е. к самой заинтересованной стороне в формировании и эффективном функционировании структур поддержки научных исследований. Автор проводит мысль, что без превращения интереса ученых в организованную активность усилия всех остальных участников поддержки науки будут бесплодны. Вместе с тем необходимо обеспечение системы самоуправления наукой, функционирование ее социальных институтов, ее экспертных структур, ее форм подготовки научного пополнения, ее набора поощрения и санкций [9].

Обращение к историко-научным материалам предоставляет уникальные возможности для понимания особенностей взаимосвязи между самоуправлением и самоорганизацией науки. В частности, результаты проводимого нами историко-психологического исследования социально-психологической детерминации развития отечественной науки позволяют определить значение внешних и внутренних факторов организации науки.

Социальная история советской психологии стала поводом для множества исследований по истории и философии науки – прежде всего за рубежом. Хотя бум этих работ пришелся на 60-е гг. прошлого века, интерес к опыту развития психологии в Советском Союзе сохраняется и после его развала [17; 19]. Несмотря на критические замечания в адрес советской научной политики в области психологии [15; 16; 18], зарубежные авторы признают значение единства сообщества отечественных психологов для обеспечения ее самоуправления. Так, американский исследователь И. З. Головинский, при всех оговорках относительно диктата политической догмы, представляет советскую психологию, как пример монолитного единства ученых, объединенных на основе принципов диалектического материализма, «политического активизма» и культурно-исторического детерминизма [13].

Проследим историю становления системы «управление – самоорганизация науки» в советской России. В дореволюционной России отсутствовала общенациональная организация науки. Это, по мнению П. В. Волобуева, обуславливало «хронические недуги русской науки»: малочисленность, разобщенность научных учреждений и кадров, и, как следствие, дублирование в работе [2, с. 6]. В начале века сохранялась существующая система десяти университетов, и открытие дополнительных высших учебных заведений не предусматривалось из опасений распространения революционных настроений [4]. Однако за счет частного капитала открывались новые научно-образовательные центры: Психоневрологический институт в г. Санкт-Петербурге (1907), Институт психологии в г. Москве (1912). Существовала практика получения послевузовского образования в Европе. Значимыми этапами профессионального становления будущих психологов были заграничные командировки в университеты Берлина, Лейпцига, Парижа, Геттингена, Вены, Эдинбурга.

Вместе с тем, несмотря на активное усвоение опыта мировых научных центров, связь отечественной психологии с мировой имела односторонний характер и была ограничена в своем влиянии. Лишь начиная с середины 20-х гг. отечественные психологи стали не только рядовыми членами, но и активными деятелями мирового психологического сообщества. Они принимали участие в международных конгрессах по психологии и даже заручились поддержкой правительства для проведения в Москве VII Международного конгресса по психотехнике в 1931 г. В 1937 г. представители России И. Н. Шпильрейн, В. М. Боровский и Л. А. Орбели были избраны в состав оргкомитета XII Международного конгресса по психологии.

Таким образом, в ситуации, когда участие в международной научной жизни было возможно лишь с согласия советской власти, оно находило поддержку, в том числе материальную. Правительство выделяло средства для заграничных командировок делегатов, выписки научных монографий и периодических изданий. Отечественная психологическая наука 20–30-х гг. получала государственную поддержку, немыслимую в дореволюционной России. Очевидно, советское государство рассматривало ее как инструмент модернизации жизни внутри страны и формирования образа динамично развивающейся державы за рубежом.

С ноября 1917 г. основным органом управления научной деятельностью в стране стал Народный комиссариат по просвещению (Наркомпрос). Он решал задачи учета и объединения ученых, руководства научными учреждениями. 24 декабря 1917 г. при нем был создан Научный отдел, переименованный в 1922 г. в Главное управление научными и музейными учреждениями (Главнаука). 20 апреля 1926 г. была организована Комиссия по содействию работам Академии наук. Помимо прочего комиссия контролировала международные научные связи. В декабре 1926 г. был учрежден Комитет по заведыванию учеными и учебными учреждениями (Ученый комитет) при Центральном Исполнительном Комитете (ЦИК) СССР. В его задачи входило общее руководство, утверждение планов и контроль над работой научных и учебных учреждений. С 1930 по 1933 г. в ведении комитета находилась и Академия Наук СССР.

Подготовку новых – советских – научных кадров обеспечивала система научных и учебных учреждений. В 20-х гг. ведущими среди них стали Комакадемия и Институт красной профессуры. Комакадемия и ее институты публиковали ряд журналов: «Историк-марксист», «Борьба классов», «История пролетариата СССР», «На аграрном фронте», «Революция и национальности» и др. Основным печатным органом академии был «Вестник Социалистической Академии» (с 1924 г. – «Вестник Коммунистической Академии»), издававшийся с 1922 по 1935 гг.

Деятельность психологического сообщества входила в юрисдикцию секции естественных и точных наук Комакадемии. Ей вменялись в первую очередь «борьба с противоматериалистическими учениями в области этих наук», а также «проверка вновь возникающих теорий и учений с точки зрения материализма и отбор материалистического зерна истины, заключаю-

щегося в новых открытиях, от идеалистической шелухи» [10, с. 221]. Деятельность академиков реализовывалась посредством регламентирующих публикаций, прежде всего в «Вестнике Коммунистической Академии». Они же стимулировали идеологическую борьбу на страницах журнала «Под знаменем марксизма» за генеральную линию партии, против анти-марксистских и антиленинских установок в философии, в общественных и естественных науках.

Основными деятелями построения науки на новой идеологической почве марксизма-ленинизма стали выпускники Института красной профессуры (ИКП). ИКП создавались для «немедленного насыщения народнохозяйственного рынка научными, партийными и педагогическими кадрами», замены представителей буржуазной идеологии, читавших эти курсы – марксистами [3, с. 99]. Результатом деятельности ИКП стало поколение новой рабоче-крестьянской научной «интеллигенции» – «красных профессоров». Л. А. Козлова характеризует их как рвущихся вверх, новых интеллектуалов, органически интегрированных в систему тоталитарного контроля [6]. В психологии наиболее влиятельным выпускником ИКП стал В. Н. Колбановский.

Так, в конце 1920-х гг. в отечественное научное сообщество квалифицированных ученых, получивших образование в дореволюционной России и странах Европы, влился поток инициативных, способных, но «не вполне научных» деятелей. Уровень образования и научной квалификации не позволял им справляться с задачами построения новой методологии науки. Это приводило к упрощению, примитивизации научных идей и их неизбежному отрицанию. В психологии эта участь ждала реактологию, педологию, рефлексологию, психотехнику. Наиболее отчетливо она коснулась судьбы марксистской психологии: скороспелые попытки использования отдельных философских положений работ Маркса и Ленина для построения психологической науки были обречены на провал. Лишь работа по выявлению базовых принципов марксистской теории и их применению к психологической реальности позволяла справиться с этой задачей. Она, в свою очередь, требовала исследователей с высоким уровнем философского и психологического образования и эрудиции, но редко их обретала в ученых, подобных С. Л. Рубинштейну, исключительный вклад которого в развитие отечественной психологии был отмечен Сталинской премией.

Однако государственная организация науки не ограничивалась учреждением прокоммунистических научно-образовательных учреждений. В 20-х гг. стали открываться и научно-исследовательские институты. В области психологии начали работу новые Институт по изучению мозга и психической деятельности под руководством В. М. Бехтерева (1918) и Петроградский научный институт им. П. Ф. Лесгафта (1919), где разрабатывались проблемы зоопсихологии. В Москве продолжил работу Институт психологии. В 1925 г. он был выведен из структуры университета и продолжил свое существование в качестве самостоятельного научного института. В 1921 г. была создана Российская Академия художественных наук (с

1925 г. – Государственная академия художественных наук), где проводил междисциплинарные исследования Г. Г. Шпет. Активное участие государственной власти в организации научной деятельности способствовало росту числа научных учреждений. В частности, по данным начальника Главнауки Ф. Н. Петрова, в 1926 г. по сравнению с дореволюционным периодом их число увеличилось в четыре раза – с 20 до 76 (цит. по: [8, с. 62]).

Существовала система поощрений за вклад в построение марксистской науки: назначение на пост руководителя научного учреждения (К. Н. Корнилов, И. Н. Шпильрейн и др.), заграничные командировки (А. Б. Залкинд, А. Р. Лурия и др.), денежная премия (С. Л. Рубинштейн).

Энтузиазм новых научных кадров направлялся руководством страны. С этой целью уже в ноябре 1923 г. был организован 1-й Всероссийский съезд научных работников. После съезда состоялся ряд совещаний руководителей наркомпросов РСФСР и других советских республик по вопросам введения единообразия в формах организации научной деятельности. Эти мероприятия усиливали зависимость науки от государственной власти. Красноречиво писал об этом советский автор в 1969 г.: «Главнаука фактически контролировала развитие научной мысли в стране, сосредоточив в своих руках как научную, так и хозяйственную отчетность всех подведомственных учреждений» [8, с. 64]. При коллегии Наркомпроса было учреждено Плановое бюро, отвечавшее за разработку вопросов планового развития просвещения и науки.

Надо полагать, что активное участие советской власти в формировании сети научно-исследовательских институтов в стране имело не только внешние по отношению к науке причины. Активный рост числа ученых и научных объединений в начале XX в. был обусловлен логикой развития науки и ростом ее влияния на общественную жизнь. Вместе с тем без государственного управления и поддержки науки в советской России нельзя было ожидать тех успехов самоорганизации психологического сообщества, что заявили о себе уже к концу 1930-х гг.

Таким образом, с первых лет советской власти ее влияние целенаправленно распространялось на науку. Обеспечивалась подготовка партийных научных кадров, открывались новые научные институты. Были организованы специальные структуры по учету, контролю, руководству научно-исследовательской деятельностью отечественных ученых и научных коллективов. Существовала система избирательной материальной поддержки ученых, поощрения научных достижений. Поддержку получали только те научные направления и ученые, в которых было заинтересовано государство.

Постановлениями и решениями советского правительства обеспечивалась подготовка, работа, обеспечение быта и отдыха, поощрение научных кадров, их объединение в профессиональные сообщества, внутригосударственное и международное сотрудничество. В свою очередь, ресурсы самой науки, психологии, были недостаточны для самоорганизации научного сообщества, эффективного развития научных исследований. Разуме-

ется, наука не была полностью подавлена «государственной машиной». Даже в условиях идеологических ограничений, в частности Постановления 1936 г., психологи продолжали исследовательскую и практическую деятельность, зачастую уходя в смежные области знания – педагогику, медицину, психофизиологию. Научные ценности хранились и передавались в ходе личных контактов в рамках научного сообщества и научных школ. Политическое и идеологическое давление не могло заглушить ростки научной мысли и жизни.

Таким образом, мероприятия по управлению наукой способствовали самоорганизации научного сообщества. Конкретным результатом единства управления и самоорганизации советской психологии в первой половине XX столетия стала успешная разработка философского уровня методологии психологического исследования – марксизма. Осмысление и развитие философско-психологических положений работ К. Маркса и В. И. Ленина, прежде всего в трудах Л. С. Выготского и С. Л. Рубинштейна, позволило заложить фундамент советской общепсихологической концепции, ее категориальное ядро: представления о психике как предмете исследования и объективном методе ее изучения, принципы развития, детерминизма, единства сознания и деятельности и др., психофизиологическая проблема и т. д. Объединение научного сообщества на основе общих представлений о предмете и методах исследования свело к минимуму возможность разобщенности и дублирования научных исследований. Это, в свою очередь, способствовало становлению отечественной психологии как нормальной, парадигмальной науки к концу первой половины XX столетия. Успехи психологической науки в деле создания системы реабилитации советских бойцов в годы Великой Отечественной войны стали свидетельством не только теоретических, но и прикладных достижений самоорганизации науки в условиях государственного управления и поддержки.

Конкретными достижениями самоуправления в отечественной психологии стали получение Сталинской премии за работу в области психологии (С. Л. Рубинштейн, 1943), открытие отделений психологии при философских факультетах Московского (1943) и Ленинградского (1944) университетов, начало работы Академии педагогических наук (1943) и т. п., наконец, сохранение теоретической независимости дисциплины в период Павловской сессии.

Хотя основные предпосылки этих успехов коренились не в научной политике 30-х гг. и даже не в биографиях отдельных ученых, а в образовании «целостной научной психологической школы с общими принципами и стратегиями исследования психической реальности» [7, с. 101], поддержка государства стала залогом развития советской психологии. Самоуправление и самоорганизация отечественной психологии стали возможны благодаря целенаправленной работе по организации науки в СССР. Таким образом, даже первичное знакомство с результатами анализа опыта организации советской психологической науки позволяет говорить о значении про-

цессов управления для создания возможностей самоорганизации научного сообщества. Дальнейший предметный анализ системы управления и самоорганизации психологического сообщества в СССР позволит уточнить возможности сотрудничества науки и власти в планировании перспективных программ поддержки отечественной науки.

### Литература

1. Артемьева О. А. Отечественная психология на переломе: уровневая субъектная концепция социально-психологической детерминации развития психологии / О. А. Артемьева. – Иркутск : Иркут. ун-т, 2012. – 382 с.
2. Волобуев П. В. Русская наука накануне Октябрьской революции / П. В. Волобуев // ВИЕТ. – 1987. – № 3. – С. 3–17.
3. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. – М. ; Л. : Госиздат, 1929. – 86 с.
4. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века / А. Е. Иванов. – М. : АН СССР, Ин-т истории СССР, 1991. – 392 с.
5. Ключко В. Е. Закономерности движения психологического познания и проблема метода науки / В. Е. Ключко // Методология и история психологии. – 2007. – Вып. 1. – С. 5–19.
6. Козлова Л. А. Комплектование Института красной профессуры, 1920-е годы / Л. А. Козлова // Социол. журн. – 1997. – № 4. – С. 209–220.
7. Кольцова В. А. Итоги развития советской психологии в предвоенный период / В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник, Б. Н. Тугайбаева // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / под ред. А. В. Брушлинского. – М. : Ин-т психологии РАН, 1997. – С. 96–101.
8. Макеева В. Н. К вопросу о координации и планировании научно-исследовательской работы в первые годы советской власти (1917–1925 гг.) // Проблемы деятельности учёных и научных коллективов. – Л. : ИИЕТ, 1969. – Вып. 2. – С. 62–69.
9. Мирский Э. М. Управление и самоуправление в научно-технической сфере / Э. М. Мирский // Социол. исслед. – 1995. – № 7. – С. 3–17.
10. Организация науки в первые годы советской власти (1917–1925) : сб. док. – Л. : Наука, 1968. – 419 с.
11. Чернозуб С. П. Образ науки как фактор самоорганизации научного сообщества / С. П. Чернозуб // Обществ. науки и современность. – 2007. – № 6. – С. 140–147.
12. Bauer R. A. The New Man in Soviet Psychology / R. A. Bauer. – 3rd ed. – Cambridge : Harvard University Press, 1968. – 229 p.
13. Holowinsky I. Z. Restructuring of Soviet Psychology in the Context of Gorbachev's 'Glasnost' / I. Z. Holowinsky // School Psychology International. – 1990. – N 11. – P. 303–308.
14. Ismael J. T. Self-Organization and Self-Governance / J. T. Ismael // Philosophy of the Social Sciences. – 2011. – N 3. – P. 327–351.
15. Joravsky D. Russian Psychology: a Critical History / D. Joravsky. – Oxford : Blackwell, 1989. – 583 p.
16. Kozulin A. Psychology in Utopia. Toward a Social History of Soviet Psychology / A. Kozulin. – Cambridge (Mass.) ; London : The MIT Press, 1984. – 179 p.
17. Kremontsov N. L. Stalinist Science / N. L. Kremontsov. – Princeton : Princeton University Press, 1997. – 372 p.

18. Payne T. R. S. L. Rubinstein and the Philosophical Foundations of Soviet Psychology / T. R. Payne. – Dordrecht-Holland : D. Reidel publishing company ; N. Y. : Humanities Press, 1968. – 184 p.

19. Yasnitsky A. Rethinking the early history of post-Vygotskian psychology: the case of the Kharkov school / A. Yasnitsky, M. Ferrari // History of Psychology. – 2008. – Vol. 11, N 2. – P. 101–121.

## **To the problem of governance and self-organization of Soviet psychological science at first half of XX century**

O. A. Artemeva

**Annotation.** History of Soviet psychology's organization of the first half of the XX century is analyzed. As a result perspectives of decision of the problem of science's governance and self-organization are defined.

**Key words:** soviet psychology, self-organization of science, governance of science.

*Артемьева Ольга Аркадьевна  
кандидат психологических наук, доцент  
Иркутский государственный университет  
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1  
e-mail: oartemeva@yandex.ru*

*Artemeva Olga Arkadyevna  
Candidate of Psychological Sciences  
Associate Professor  
Irkutsk state University  
664003, str. 1, K. Marx, Irkutsk  
e-mail: oartemeva@yandex.ru*